

Марина Семенова

Причуды Кармы, или кто нагадил в тапки

Мы встретились, когда у каждого из нас за плечами уже был свой жизненный багаж. Интересно, почему так говорят — за плечами? Ведь, если это — «взрослый» багаж состоявшегося человека, то его несут в руке или везут за собой в чемодане на колёсиках. За плечами — это что-то молодежное. Такой себе маленький стильный рюкзачок. А, что в него, в такой маленький, может поместиться? Пара тройка влюбленностей, столько же разочарований да объемный пакетик слез. По молодости много плачется.

Но, что бы там судьба нам не предложила — сумку ли, чемодан, рюкзак или огромный баул, правило для всех одно — тащить свой жизненный багаж ты должен сам. Носильщиков в данном случае не полагается. Если даже этих самых сумок, чемоданов и рюкзачков у тебя со временем наберётся вагон и маленькая тележка. Возможно, мы и влюбляемся с возрастом все реже и реже именно потому, что — груз прожитых лет заставляет нас горбиться, нагибает к земле, и мы уже не смотрим по сторонам, пропуская очень важных для себя людей. Так мы проходим мимо

друг друга.

Нам с Петром повезло. Мы не проскочили мимо друг друга. Мы зацепились взглядами. Он был вдовцом с двумя взрослыми детьми, я — свежеразведенная женщина сорока лет, пугливая и опасаящаяся всего — отношений, ошибок, будущего. Тогда я очень боялась знакомиться и боялась остаться одной, боялась влюбиться и боялась очередного предательства, а еще — я боялась, что уже не смогу оттаять. Никогда.

Но, Петр окутал меня такой обволакивающей, неумемной и всепроникающей заботой, таким сиюминутным вниманием, неустанно опекая меня и нежничая, словно вымачивал в теплом молоке безнадежно засохшую булку.

Конечно же, я ему не верила. Осторожничала, сомневалась, всматривалась в него до рези в глазах и все время ждала — вот сейчас, вот-вот, он проявит себя во всей красе, покажет свои худшие мужские качества. Но, он не проявлял и не показывал. Порой мне казалось, что он само воплощенное терпение, неиссякаемый источник тепла, заботы и самоотречения. Сказочный Джин, исполняющий все твои желания. Только ткни пальцем, только заикнись, только намекни.

И, все равно я ждала подвоха. Перенесенное не так давно предательство первого мужа, такое отвратительное, такое гаденькое — отравило мою

кровь, пробралось в душу и поселилось там, вымазав все черной сажей, всосалось каждой клеточкой моего организма. Недавняя боль каждый раз напоминала о себе мышечной реминисценцией, спазмировала рецидивами воспоминаний. Именно поэтому я старалась спровоцировать Петра, сознательно и неосознанно подводила к краю, чтобы еще раз заглянуть в очередную черную пропасть очередной человеческой души и убедиться в том, что я-таки права и что верить, и вправду, никому нельзя.

Я старалась изо всех сил, но у меня ничего не получалось. Петр был непобедим в своем желании меня отогреть и приручить. На это у него ушло долгих пол-года. Он был запредельно тактичен и терпелив, никогда ни на чём не настаивал, ни к чему меня не принуждал. Первый поцелуй случился между нами только тогда, когда я этого захотела, а первый секс... Ой, а вот об этом стоит рассказать поподробнее...

После того, как я осторожно поинтересовалась, а не хочет ли Петр меня поцеловать, мы стали целоваться везде, где только было можно. Впрочем, где нельзя тоже стали — в подъездах, кафешках, в парке на лавочке и на трамвайных остановках. Конечно же это нравилось не всем. Но, не все осмеливались сделать нам замечание, останавливал возраст. Не всякую юную

парочку можно легко осрамить и зашикать, а уж нас и подавно. Поэтому нам, в основном, доставались лишь косые, осуждающие взгляды и бубнение себе под нос. Как правило — от женщин. Именно женщины, недоцелованные мужьями и сексуально недобуженные, становятся у нас самыми рьяными поборниками морали и нравственности.

Месяца три спустя, когда были исхожены вдоль и поперек все парковые дорожки, иссижены все скамейки и пристойные кафешки, а мое либидо просто рвало меня на части, я снова не выдержала первой:

— Петь, долго мы еще будем, как школьники, гулять по парку, держась за ручки, и целоваться, прячась в кустах?

Он замялся и покраснел:

— Прости, домой я привести тебя не могу, а в гостиницу ты же не пойдешь?

— Почему — не пойду? — удивилась я.

От моего вопроса Петр покраснел еще больше.

— Ну... тебе это... ну... тебе, наверное, такое предложение может показаться непристойным.

— Да-а?!

Господи, с какой планеты он свалился?! Весь такой милый, старомодный, трепетный.

Я подошла к нему совсем близко и, уткнувшись в шею, благодарно обвила руками его

талию.

— Глупости все это, Петь... Ты по определению не можешь предложить женщине ничего непристойного. Не запрограммирован ты на подобное скотство.

— Значит, ты согласна? — он крепко обнял меня в ответ, задыхаясь от аромата моей кожи и волос.

— Да, конечно.

Вечером следующего дня мы уже стояли перед гостиничным номером, и Петя никак не мог попасть ключом, зажатым между дрожащими вспотевшими пальцами, в замочную скважину, а я нервно теребила пуговицу на блузке.

— Ты взял чего-нибудь выпить? — спросила я, когда мы, наконец, оказались в полутемной комнате с огромной кроватью, двумя тумбочками и круглым зеркалом в деревянной раме.

— Не-ет... а что, надо было? — спросил Петр упавшим голосом и тут же предложил с готовностью: Давай сбегаю за шампанским!

— Не надо никуда бежать, — сказала я смело и твердо и, развернув его к себе, поцеловала. Протяжно и жадно. Копившееся столько времени в наших телах и не находившее выхода желание — ударило в голову лучше всякого шампанского.

— Как же я боялся, что тебе не понравится, — выдохнул он, когда я, откинувшись на подушку, умиротворенно и благодарно гладила его плечо.

«Если бы только знал, как я боялась, что мне не понравится», — вторила я мысленно, посылая на кончики пальцев всю свою, поднявшуюся из самых глубоких глубин, нежность. Он поежился от моих прикосновений и, перевернувшись на спину, перехватил мою руку, после чего стал медленно выцеловывать мне ладошку, щекочась усами и языком.

Мне было светло и спокойно на душе. Так, словно мне вернули мое, предназначавшееся от рождения, но, по какой-то причине до сих пор не отданное. Словно все пазлы сошлись в картинку, а страницы сложились в книгу. Очень интересную книгу, со счастливым концом.

Понемногу я стала оттаивать. А еще привыкать к тому, что утром по телефону мне говорят «доброе утро», а вечером желают «спокойной ночи». Понемногу эти маленькие каждодневные ритуалы плотно входят в твою жизнь, ты привыкаешь к ним очень быстро и уже не можешь себе представить, как обходилась без всего этого раньше.

Вскоре Петр решил познакомить меня со своими детьми. Его дочери только-только

исполнилось семнадцать, она как раз заканчивала школу, а сыну — на год меньше. Я понимала, что за шесть лет (ровно столько прошло со дня смерти жены Петра) раны на детских сердцах потихоньку затянулись, но, чувство потери никуда не ушло. И не уйдет. Оно ляжет глубокой расщелиной поперек их жизней, а мамин образ навсегда останется неким эталоном, которым, так или иначе, меня всегда будут мерить, и до которого мне вряд ли удастся когда-нибудь дотянуться. Впрочем, я и не смела претендовать на роль мамы, даже рядом становиться не собиралась. Просто, не хотела, чтобы они считали меня своим врагом, который хочет отнять у них еще и отца.

Мы зашли в квартиру, и я застыла в нерешительности на пороге комнаты. Петр мягко подтолкнул меня в спину. Улыбчивая Тая поднялась с дивана и протянула мне свою маленькую ладошку:

— Здравствуйте! Рада встрече.

Из темноты ее карих глаз выпрыгнули и заискрились на ресничках золотой россыпью теплые дружеские огоньки. Я с облегчением выдохнула и осмотрелась. В углу комнаты, ко всем спиной, сидел русоволосый парнишка. По его напряженной спине я поняла, что вот он-то мне совсем не рад.

— Макс, может быть ты здороваешься? —

осторожно обратился к нему отец.

— Добрый день, — буркнул мальчишка, не оборачиваясь и не отрывая взгляд от монитора.

— А мы торт принесли. Будешь с нами чай пить? — не сдавался Петр.

— Торт? — Максим подвис на доли секунды. — Буду.

Чай он с нами пить не стал. Отхватил четвертинку торта себе в тарелку и унес с собой, снова устроившись за компьютером.

— Не обращай внимания, — улыбнулся Петр немного виновато. — Максим у нас всегда такой.

— Какой? — спросила я, пытаюсь понять, как мне вести себя с этим мальчиком в дальнейшем.

— Гаджетозависимый.

В отличие от своего брата Тая общалась очень охотно, жадно ловила каждое мое слово, чем купила меня с первого же дня нашего знакомства. С тех пор мы стали часто видеться и подолгу разговаривать. Вернее, говорила, в основном, я, а она слушала, не сводя с меня своих широко распахнутых, внимательных глаз. Уверенная в том, что разговаривать на женские темы ей все эти годы было не с кем, я торопилась наверстать упущенное и водила ее за ручку по лабиринтам женской души, раскрывая ей все маленькие хитрости и большие секреты, которыми владела.

А еще у Петра была младшая сестра Анжела,

делившая с ним родительскую квартиру, ухоженная и стильная, с большой грудью и таким же самомнением. Она давно была в разводе и воспитывала семилетнюю дочь, такую же красивую и так же уверенную в том, что весь мир ей что-то должен. Побывав у них дома, я поняла, что Петр имел вид, когда говорил, что не может привести меня к себе. Не в смысле «пожить», а просто в гости. В трехкомнатной маломерке, общей площадью тридцать восемь квадратных метров, включая коридор и балкон, с совершенно дурацкой планировкой, жили, по сути, две абсолютно чужие семьи. Одну комнату занимала сестра с дочерью, во второй, самой большой по метражу, но, проходной, спал мой Петя на одном диване с сыном. Через нее, по диагонали, находилась комната Таи, напоминавшая скорее кладовку с окном, чем комнату, из-за своего крошечного метража и чрезмерной перегруженности мебелью. Полкомнаты занимала старая софа, на вторую половину пространства были, каким-то чудом, втиснуты трехстворчатый полированный монстр и еще один, уже книжный, шкаф. А, широкий подоконник был плотно уставлен горшками с растущими в них фикусами. Множество огромных горшков с одним и тем же растением, перекрывающим собой две трети окна.

Анжела нигде не работала, но безбедно

существовала и без этой графы в своей биографии, хорошо научившись в жизни лишь одному — виртуозно раскручивать мужчин на деньги. Много лет назад она познакомилась на курорте с турком, который, хоть и был женат, но, все эти годы страстно ее любил и слал деньги с завидной регулярностью. Виделись они несколько раз в год — либо он летел к ней, либо она отправлялась к нему, но каждый месяц кругленькая сумма в конвертируемой валюте приходила на ее имя через систему *Western Union*. Впрочем, это не мешало Анжеле, между встречами с постоянно действующим спонсором, заводить романы и романчики с состоятельными соотечественниками. Выглядела она великолепно, общалась легко и сладкоголосо, обращаясь ко всем не как иначе, как Таюся, Максик и Петюня. Все эти сюси-пуси резали мне слух, но, когда и меня она стала называть Женюлей и Женюлечкой, я почему-то не осмелилась ее поправить. От всей этой словесной патоки слегка подташнивало, от «теплых» слов тянуло сквозняком, но, я почему-то упрямо продолжала не замечать того, чего не заметить было невозможно.

Я не просто так рассказала вам сейчас об Анжеле, персонаже, казалось бы, второстепенном. Она еще пройдетя по моей судьбе, еще сыграет в ней свою роль. И в зале обрыдается зритель. И этим

зрителем буду я.

Близился Новый год — и мне не терпелось побаловать всех подарками. Да и себе, вдруг, захотелось прикупить какой-нибудь праздничной одежды. Новое платье и новые туфли, и чтобы непременно на каблуке. На это нужны были деньги. Моей зарплаты на все новогодние мечты явно не хватало, ее хватало только на прожиточный минимум, на который мы с Никиткой проживали с трудом.

Я работала в Центре детского творчества руководителем театральной студии и хваталась за любую подработку: писала сценарии и статьи во всевозможные журналы, вязала шапочки и кофты на продажу, и даже лепила пельмени на пару с подружкой Тамарой, которая тоже растила детей без мужа. Но, все заработанные деньги уходили, как вода в песок, моих усилий хватало только на латание дыр в бюджете, который регулярно расплзался по швам и неумолимо уменьшался в размерах, съедаемый растущим организмом сына и инфляцией.

Я считала деньги и дни до Нового года и надеялась на чудо. И чудо-таки случилось — за неделю до праздника мне позвонила одна хорошая знакомая и спросила:

— Заработать хочешь?

«Она еще спрашивает!» Я знала, что Светлана занимается организацией и проведением свадеб, юбилеев и корпоративов. Занимается давно и серьезно. Вот и предположила, что меня пригласят со сценарием помочь, Светка знала, что у меня это хорошо получается. Ну, если не со сценарием, то, может быть, какие-нибудь новогодние костюмы в порядок привести, подшить чего-там с блестками или отутюжить.

— Конечно хочу! — с готовностью отозвалась я, заранее соглашаясь на все.

Но, то, что она предложила, очень сильно меня озадачило.

— Понимаешь, Жень, у нас вся Новогодняя ночь расписана по минутам. Отрабатываем в одном ресторане свою часовую программу и мчимся дальше. Но, даже на такси не всегда успеваем добраться. Вот, тебе и нужно поддержать зал всего какие-то полчаса. Ну-у, от силы минут сорок!

— Что значит «поддержать зал»? — похолодела я, прекрасно догадываясь о чем идет речь. Светка это знала и поэтому долго объяснять не стала. Ее ритм жизни вообще не приемлил затяжных разговоров.

— Только я тебя умоляю — никаких Снегурочек. Снегурочкой буду я, приеду со своим Дедом Морозом и Веркой Сердючкой.

— Настоящей что-ли Сердючкой? — охнула

я, но, услышав в трубке раздраженный вздох «работодателя», осеклась.

— Ну хорошо... А кем тогда, если не Снегурочкой? — решила уточнить я, судорожно вспоминая какие костюмы моего размера можно отыскать в нашем Центре творчества. И поняла, что — никакие. При моем росте, объеме бедер и груди лучше всего подошел бы костюм Снежной бабы. Слепить вместе три огромных шара, залезть во внутрь и затаиться там на все полчаса до приезда Светки.

— А зал большой? — с надеждой спросила я, как-будто это имело какое-то значение. Какая разница, перед каким количеством людей позориться — пятью или пятидесятью.

— Не-е, не очень. На восемьдесят посадочных мест.

— Сколько?! — ужаснулась я, уже готовая отказаться от всей этой Новогодней авантюры, но, следующая Светкина фраза заставила меня резко сдать назад.

— Значит — договорились! Поработаешь зал полчаса, получишь свои пятьдесят баксов и свободна!

— Сколько?! — из меня выскочил тот же вопрос, но совсем в другой эмоциональной тональности. Две моих месячных зарплаты за полчаса позора!

Я никогда не боялась аудитории. Все лучшие застольные тосты всегда были мои. По жизни легко знакомилась и быстро сходилась с людьми, но, чтобы выступать за деньги перед пресыщенной публикой.

Вся предновогодняя неделя прошла у меня в смятении и страхе перед предстоящим мероприятием. Петр, конечно, расстроился, что в Новый год я буду работать, и незамедлительно предложил мне свою помощь. Я категорически отказалась.

Два дня судорожно сочиняла себе костюм и ничего умнее не придумала, как переодеться в Зайчика. Вернее, в Зайчиху. Аппетитную такую Зайчиху, в белых колготках и юбочке в горошек. Смеха ради я решила утрировать свои, и без того выдающиеся, формы, добавив себе объем попы и увеличив размер груди почти втрое, используя для этого поролоновые вкладыши собственноручного изготовления.

Тридцатого декабря, едва проснувшись, я триста раз пожалела о том, что согласилась на предложение Светланы. Весь день я не находила себе места, думая только о грядущем позоре. Текст моего выступления, который я выписывала с такой тщательностью и учила с таким энтузиазмом, после перечтения казался мне совершенно дурацким и

скучным, к тому же при попытке его отредактировать и повторить, я через слово спотыкалась и переходила на фальцет, безуспешно сглатывая образовавшийся в горле ком.

Всю предновогоднюю ночь я провела без сна, обливаясь холодным потом и считая овец, поросят, чертей и прочую живность. На утро встала разбитой и совершенно поникшей. Больше всего на свете мне хотелось позвонить и отказаться, сославшись на внезапную смертельную болезнь. Но, мое гипертрофированное чувство ответственности не позволило этого сделать.

В половине одиннадцатого я вышла из дома на негнущихся, буратиновых ногах. К счастью, до ресторана идти было не так далеко. Через двадцать минут я уже, проскользнув в подсобку, забилась в угол между тарелками с холодцом и огромным тортом, на котором ядовитым синим кремом было жирно выписано: «С Новым 1999 годом!» Торт был повернут ко мне верх тормашками, отчего безобидный набор цифр превращался в зловещее и мистическое сочетание «666». Единичка в конце — не в счет. Она уже ни на что повлиять не могла.

В подсобке было холодно. Я не сводила глаз с дьявольского послания из трех шестерок и верила в то, что это — знак. Мне хотелось, чтобы случилось что-то непредвиденно-спасительное, что-то такое, из-за чего мне не нужно будет идти в зал, к этим

полупьяным, празднующим людям, ожидающим от меня чего-то яркого, веселого, незабываемого. Я была готова замерзнуть насмерть, упасть своими длинными заячьими ушами в прозрачное тело холодца и остаться в нем навсегда, впаяться в него, как мамонт в лед в эпоху знаменитого Ледникового периода.

— Ой, Зайчик! — раздался надо мной неожиданный возглас и розовощекая повариха радостно, как-то очень по-детски, всплеснула руками. — Какой хорошенький!! А вас там ищут.

Мне хотелось завопить в ответ: «Это не я! Это не меня!», но, вместо этого я послушно поднялась и обреченно поплелась в зал, с трудом переставляя задубевшие ноги в белых колготках.

Я не помню, что и как говорила. Перед глазами все плыло, а кровь, со страшной силой пульсируя в висках, заглушала мой собственный голос.

Очнулась я уже в толпе людей, которые скакали вокруг меня зайчиками и орали что-то громкое и развеселое. Бритоголовый пацан, цепко ухватил меня за талию и скомандовал радостно:

— Зайка, прыгай!

И Зайка запрыгала, смешно подергивая в такт музыке поролоновой попой.

Довольный заказчик щедро затолкал в мое декольте пятидесятидолларовую купюру. И я не

скажу, что меня уж так сильно это обидело. Припомнив все известные мне актерские приемы, я заставила себя поверить в то, что — это не я, а Зайчик, как заводной, разудало вертит попой, прыгает, танцует Ламбаду и смешно трясет обвисшими ушами.

Периодически ко мне подбегали пьяненькие девушки (почему-то, только девушки), чтобы весело и смущенно хохоча, поинтересоваться:

— А, это у вас настоящая грудь? Можно потрогать?

— Можно! — отвечала я с готовностью, припоминая сумму своего гонорара.

По всей видимости, всех очень забавлял мой поролоновый наряд, выглядевший гротескно и весьма эротично. Во всяком случае, я себя в этом смогла убедить. Потому что, если бы не смогла, то, так бы и осталась сидеть в подсобке между холодцом и тортом до самого утра.

Спустя полчаса в зал вихрем влетела раскрасневшаяся Снегурочка, в сбившейся на бок короне, сопровождаемая Дедом Морозом, Бабой Ягой и Кощеем, я облегченно выдохнула.

Снегурочка выхватила у меня микрофон и хорошо поставленным голосом влила в уши праздную очередную дозу поздравлений с пожеланиями любви, здоровья, успехов в работе и личной жизни, а Дед Мороз яростно потряс

посохом, обернутым в серебряную фольгу. После чего под бешенные ритмы пустился в пляс безумный сказочный дуэт. В такт музыке в черепе у Кощея светились и переливались радугой, впаянные туда лампочки, добавляя в новогодний праздник еще больше веселья.

Когда, отработав программу, мы переодевались все в той же подсобке, правда уже при отсутствии в ней холодца и торта, я увидела, что под гримом и костюмом развеселой бабы Яги скрывается вполне себе взрослая женщина, можно сказать — пожилая, с уставшим взглядом и потускневшим лицом. Извиняющимся тоном она долго оправдывалась, что таким образом зарабатывает двадцатилетнему сыну на сапоги, который нигде не учиться и не работает, а сутками напролет сидит за компьютером и очень презирует мать за эти ее унизительные подработки.

Я шла домой по заснеженной улице и думала о том, почему одних людей можно легко унижить, других — нет. Если внутри тебя есть некий стержень, тот пилон, на котором удерживает равновесие твое чувство собственного достоинства, то — ты всегда будешь неуязвима. Пусть даже кто-то решит бросить в тебя грязью, да хоть забросает тебя ею с ног до головы, ты все равно останешься чистой, ровно до тех пор, пока сама не усомнишься в себе и не позволишь этой дряни

просочиться вовнутрь, пока сама не почувствуешь себя униженной и уязвленной. Если же — нет, то можешь делать все, что угодно — хоть Бабой Ягой скакать, хоть Зайчиком. Пока для тебя это только игра, то и правила устанавливаешь ты, а не кто-то другой. Даже, если этот «кто-то» приказывает тебе: «Зайка, прыгай!» и платит за это деньги.

Первого января мы отпраздновали Новый год в нашей с Никиткой маленькой квартирке. Пара-тройка салатов, традиционное оливье, селедка под шубой и покупной торт. У меня не было ни сил, ни времени что-то выпекать и наготовливать. К счастью, Петины дети оказались чрезвычайно благодарными едоками, совершенно не привередливыми по части меню. Особенно Максим, для которого главное — чтобы еды было много. И совсем неважно, что налито или положено в тарелку — тривиальный борщ или изысканный французский «Буйабес», обычный шницель или кордон блю.

Новогоднее застолье получилось вполне себе теплым и спокойным. Все были сыты, умиротворены и расслаблены, один лишь Макс маялся без своего Counter-Strike и, наевшись торта, улизнул, придумав себе какое-то страшно важное дело. В начале четвертого ушли и Петр с Таей, и я поинтересовалась у сына:

— Ну, и как тебе ребята?

— Нормально.

— То есть, они тебе понравились? —
попробовала я раскрутить Никиту на развернутый
ответ.

— Я же сказал — нормально.

— А если бы... ну... вдруг... мы стали жить
все вместе? — осторожно поинтересовалась я,
взъерошив сыну волосы.

— Где? Здесь? — фыркнул Никита, обводя
руками нашу шестнадцатиметровую комнату.

— Нет... не здесь, конечно!

— А где?

И правда — где? Чего я лезу к нему со своими
дурацкими абстрактными вопросами. Может быть
потому, что сама не нахожу на них ответа.

Третьего января мне позвонила Светлана с
неожиданным вопросом:

— Слушай, а ты не хочешь повторить?

— Что «повторить»? — не поняла я.

— Свой триумф, — ответила Светка, то ли с
иронией, то ли без.

— Зайчиком?

— Нет, зайчиком, боюсь, не получится. Нужна
серьезная программа на всю ночь. На старый
Новый год, — сказала она так, словно разговор шел
о том, чтобы продекламировать стишок на дне

рождении у подруги.

— На всю ночь?! — проступивший в моем голосе ужас, заставил мою собеседницу уточнить задачу.

— Не пугайся ты так! Только до четырех утра.

— Это сильно меняет дело, — съязвила я, понимая, что мне очень хочется согласиться. Совсем неожиданно для себя. И не только из-за денег.

— Понимаешь, очень жалко упускать этого заказчика. Я ему сегодня откажу, и он кого-то другого найдет, потом фиг вернешь. А клиент солидный и платит хорошо. Соглашайся, а?!

— А ты-то сама где будешь?

— В Египте.

— Где?!

— Да муж еще осенью путевку купил. Как-будто не знал, что у меня в январе самый чес. Сказал, если не поеду — он со мной разведется! Выручишь?

— Хорошо, — согласилась я удивительно быстро, видимо, чтобы не передумать.

— Вот и ладушки! Вечером встречаемся у «Марселя»!

— «Марсель?!» — снова засомневалась я, понимая, что работать придется в одном из самых престижных ресторанов города. — А, если у меня не получится?

— Все у тебя получится! Видела я, как ты зайчиком скакала! — хмыкнула Светка в трубку.

— Как? — на всякий случай решила уточнить я.

— Са-амо-озабвен-н-но, — протяжно пропела моя знакомая и весело хихикнув, вдруг поинтересовалась.

— Вот, тебе сколько в месяц платят в твоём рассаднике культуры?

— Ммм...

— Так умножь это «ммм», как минимум, на пять и садись писать сценарий. Все! До вечера! В семь часов у «Марсея»!

Владельцем ресторана оказался семейный дуэт, как-то совсем в пару не монтируемый. Претенциозная и холеная Маргарита, с тонкими пальцами и тихим голосом, и огромный, как медведь, муж Саня, одетый в засаленный свитер с оленями и меховые унты. Он так и представился — не Александр, не Саша, а — Саня, выбросив мне навстречу увесистую медвежью лапу. Маргарита долго расспрашивала нас о том, какой будет программа, прошивая меня насквозь недоверчивым взглядом. Я лепетала что-то про красивую и очень романтическую новогоднюю историю, в которой будет много любви, музыки и танцев. Светка поставила в разговоре жирную точку, соврав, не моргнув глазом, что программа каталась сто тысяч

раз и сто тысяч раз с невероятным успехом. Маргарита лишь кивнула головой, нервно покусывая нижнюю губу, а Саня пригрозил:

— Ну-у, кирдык вам будет, если чё! — и расхохотался громко и разливисто.

Не только сердце, но все мои печенки с селезенками быстренько эмигрировали в пятки, и я уже открыла рот, чтобы отказаться, как Светка, будто учуяв, выдернула меня из кресла и поволокла к выходу. Глотнув на улице морозного воздуха и вернув себе таким образом способность дышать, я на всякий случай уточнила:

— А «если чё» — это чё?

— Ой, не заморачивайся! Саня безобидный, как морская свинка! Добрейшей души человек! В отличии от Марго...

— А что Марго?

— Да ничего хорошего. Даже не пытайся ей угодить, все равно не получится. Главное, чтобы нарооду понравилось.

— А если и им... не...

Светка не стала меня дослушивать.

— Все! Вон мое такси! Удачи! Созвонимся!

По дороге к дому сценарная концепция, придуманная мной вчера вечером, четко выстроилась в голове, осталось только сесть и все записать. Но, стоило устроиться у компьютера, как меня отвлек телефон, звонил соскучившийся Петр с

предложением о встрече. Я посмотрела на часы — половина девятого.

— Давай не сегодня... Так не хочется на холод, я только-только пришла, — ответила я, делая голос, как можно несчастнее.

— Тогда, может быть я зайду? На чашку чая..., — не сдавался Петр.

— Петь, мне нужно сценарий писать, — не очень уверенно возразила я, понимая, что тоже ужасно соскучилась.

— А я не надолго.

«Ненадолго» затянулось до часу ночи и тянулось бы еще, но я понимала, что сроки поджимают, а у меня только десять дней и больше ничего, кроме сценарной идеи в голове.

К утру все было готово. Моя новогодняя придумка получила название «Марсель и Жозефина» и состояла из двух частей: романтической и комической. Все должно было начаться с красивой истории любви отважного моряка Марселя и юной Жозефины, встретившихся в парижском кафе в канун нового года. Я уже видела перед глазами этот кадр — за столиком в углу одиноко сидит девушка, а справа, в луче света, очень счастливая пара танцует вальс, изо всех сил подчеркивая своим счастьем ее одиночество. А когда музыка смолкает... Вернее, не так... Когда мелодия вальса смолкает, начинает звучать другая

музыка, такая пронзительная-пронзительная, сотканная из сплошных предчувствий и... тут появляется Он. Красивый отважный капитан Марсель. Эффектно появившись, молодой красавец приглашает девушку на танец, они знакомятся и проводят вместе три долгих, невозможно счастливых дня. Самых счастливых дня в их жизни. После чего Марсель, конечно же, уплывает далеко-далеко и уже не возвращается, потому что его корабль разбивается о рифы и все трагически гибнут. Короче — ничего нового, такой себе новогодний перепев «Юноны и Авось», с той разницей, что перед тем, как погибнуть моряки много путешествуют по разным странам, представленных в концертных номерах моей будущей программы. Публика тех лет очень отличалась от сегодняшней и не была настолько избалована всяческими шоу со спецэффектами и без, поэтому — у меня еще оставалась надежда хоть как-то заинтересовать своего зрителя.

Нагнав в первую часть программы грусти и романтизма, второе отделение я решила начать примерно так: «Красивая история, правда? И очень печальная... Так уж повелось, что все истории о великой любви всегда заканчиваются трагически.» После этих слов я делаю небольшую паузу и продолжаю: «А давайте с вами немного пофантазируем! Давайте представим, что на этот

раз все закончилось хорошо: Жозефина дождалась своего отважного капитана и они поженились, и прожили вместе долгую-предолгую жизнь!»

В этом месте снова звучит музыка. Только уже не грустная и пронзительная, а совсем наоборот — заводная такая. И в зал всплывает изрядно располневшая Жозефина, в халате и на бигуди, с тазиком белья в руках и раздражением на лице, и начинает развешивать на веревке белье. Да-да, все так и было задумано — веревка через весь зал, и на ней — тельняшка и линиялая майка с названием корабля, все буквы в котором выцвели и поплыли, а еще — трусы. Огромные такие семейные трусы в горошек. А следом за женой появляется Марсель, помятый и взъерошенный, с недопитой бутылкой рома в руках. И они начинают ссориться, упрекая друг друга в мелочах и по-крупному и сожалеют о загубленной молодости, но, потом мирятся и бывший капитан спрашивает у немолодой, но, по-прежнему любимой жены, нежно похлопывая по округлому бедру:

— Вот, скажи, чего тебе сейчас хочется?

И Жозефина, всхлипывая совсем, как ребенок, отвечает с глубинным вздохом всех разочарованных женщин планеты Земля:

— Праздника...

— Праздника?!

— Угу...

— Да сколько угодно!

И, вот тут-то и начинается самая настоящая «жара» с танцами, конкурсами, фейерверками и прочей ерундой, которая должна завести публику и оставить после себя настоящее праздничное послевкусие.

Все это замечательно нарисовалось в моем мозгу, который понятия не имел как, а главное — с кем, все это воплощать в жизнь.

На следующий день я «села на телефон» и обзвонила всех друзей и знакомых, а потом друзей друзей, знакомых знакомых и друзей знакомых. И через три часа передо мной лежал список людей, готовых поучаствовать в моей авантюре.

Я стала встречаться с каждым из них, знакомясь и оговаривая условия сотрудничества. Конечно, меня спасло то, что я работала в Центре творчества и в моем распоряжении были готовые концертные номера, как, например, танец со свечками, где тоненькие девочки-подростки в летящих фантазийных нарядах исполняли нечто мистически-ритуальное, и, который я быстренько вставила в сюжет, как встречу Марсея с морскими нимфами.

Моя хорошая знакомая, ведущая кружок моделирования одежды, согласилась выступить с двумя своими номерами. В ее арсенале была совершенно потрясающая коллекция Нефертити, с

невероятными костюмами на тему «Египет», и мексиканский карнавал с яркими, разрывными нарядами. Дети, не избалованные сценой, горели желанием выступить «по-взрослому». Наложив на себя по килограмму косметики, пятнадцатилетние девчонки выглядели лет на пять старше, но все равно получили строгие наказания от своих педагогов, если что — говорить, что им давно исполнилось восемнадцать. Конечно, педагоги рисковали остаться без работы, но, все равно подписывались на подобные авантюры. И дело не только в деньгах — редкие выступления на фестивалях и конкурсах не могли дать детям той дозы адреналина, которую получает артист, выходя на сцену. Без нее наши воспитанники быстро теряли интерес к занятиям и бросали кружки, за что мы регулярно получали трендюлей и тоже могли вылететь с работы, как не обеспечившие набор нужного количества детей в группах.

Если с концертными номерами хоть что-то вырисовывалось, то с главными персонажами — Марселем и Жозефиной, пока были сплошные непонятки. Не легче обстояло дело и с бальниками. Все более-менее уважающие себя пары или уехали подзаработать на все зимние праздники за границу, или стоили неподъемно дорого. Наконец, нашлась одна бывшая выпускница нашего Центра, готовая выступить вместе со своим партнером. Я вздохнула

с облегчением и стала судорожно искать себе напарника, кого-то опытного и более отважного, чем я. Вскоре мне удалось выйти на некоего Аркадия, позиционирующего себя, как «круче только яйца» и запросившего денег размером в половину общего гонорара. После долгих торгов мне удалось уговорить его на треть суммы.

Безжалостное время слизывало дни с бешеной скоростью, я уже давно перестала есть и спать, а тут еще позвонила Марго и поинтересовалась, когда можно будет поприсутствовать на репетиции. Я что-то наплела ей про плотный гастрольный график основного состава артистов и пошла рыдать в ванную, в очередной раз пожалев о том, что ввязалась во всю эту историю.

В тот же вечер со мной связался хореограф Виктор и сообщил, что ему звонила Алла от Тани и сказала, что вам (то есть — мне) нужен танцор в роли какого-то дальнобойщика.

— Не дальнобойщика, а моряка, — поправила я, несказанно обрадовавшись.

Виктор оказался настоящим кладом. Мало того, что он был хорош собой, фактурен и талантлив, он еще всю загорелся моей идеей. Глядя, как он рождает и вплетает в драматургию танца движение за движением, я поняла, что «капитан» сделает все, как надо, и озадачилась

поиском Жозефины и костюмом для Марселя.

— А давайте, я приведу свою жену. Она тоже хореограф, но сейчас сидит дома, в декретном отпуске.

— Конечно приводи, — радостно согласилась я, начиная надеяться на удачный исход своей сомнительной затеи.

Радовалась я, правда, недолго. Вечером позвонила выпускница Настя и сказала, что станцевать вальс в паре не сможет, потому как послезавтра ложится в больницу, и единственное, чем может помочь — это одолжить для выступления свое бальное платье.

Я снова села на телефон в поисках девочки сорок четвертого размера, способной хоть как-то держать спину и двигаться под музыку в ритме вальса. Девочка нашлась, но, тут снова перезвонила Настя и сказала, что мама давать платье неизвестно кому не разрешила, потому как стоит оно не много, не мало, а целых двести долларов.

— Настя! — взмолилась я, не готовая так легко распрощаться со своей сценарной идеей.

Если мечты не сбываются, их уценивают. Тоже самое происходило и с моими идеями. Первое, чем пришлось пожертвовать — это эффектным стартом, когда в полутемном углу кафе сидит девушка, а рядом, в круге света, танцует пара, светящаяся от счастья и луча прожектора,

нацеленного на них. Ага! Размечталась. Какой, к черту, прожектор! Дорогая моя, это вам ресторан, а не Большой театр.

Теперь еще и платье. Невероятное бальное платье с блестками и перьями, способное превратить в маленькое шоу любое выступление. После некоторой паузы Настя заговорщицки зашептала в трубку:

— Хорошо... Приходите сегодня ко мне... часов в шесть вечера. Зайдете во двор, завернете за угол и с правой стороны увидите два больших мусорных контейнера, а над ними окно моей комнаты. Я выброшу вам платье, а вы постарайтесь поймать, чтобы оно в мусорник не улетело.

И стала диктовать адрес.

До сих пор мне непонятно, почему добрая девочка Настя согласилась послушаться строгую маму, чтобы выручить, в общем-то, незнакомого ей человека. Кстати сказать, тот нервозатратный новогодний спектакль не только одарил меня колоссальным жизненным и профессиональным опытом, но, еще добавил в список знакомых целую кучу хороших людей.

В этот день у меня были занятия, по окончании которых, мне нужно было мчаться к Насте «ловить» платье, а потом нестись на другой конец географии к Виктору в клуб на репетицию,

где он обещал ждать меня вместе с женой.

Никогда бы не подумала, что бальное платье может быть настолько тяжелым. Все эти камушки и перья, которые, по всей видимости, и поднимали его цену до заоблачных долларовых высот, весили килограмм сто, не меньше. Во всяком случае мне так казалось, когда я голодная и уставшая, проваливаясь по колено в снег, тащила на себе пойманный трофей, громоздкий и неподъемный, в задубевшем на морозе чехле.

Часам к восьми я ввалилась к Виктору в зал, взмокая от усердия и своей драгоценной ноши, и обомлела. Мой капитан Марсель был мертвецки пьян. В стельку, в хлам, в драбадан. Не знаю каких еще синонимов к слову «пьяный» для вас припомнить, чтобы вы поняли, что я тогда испытала.

— А где Галя? — поинтересовалась я, сама не зная зачем. Ни я, ни жена, никакая чудодейственная сила не смогла бы сейчас привести Виктора в чувство и заставить танцевать. Но, надо отдать ему должное — Витя изо всех сил пытался мне ответить, складывая губы трубочкой и отчаянно помогая себе жестами. Но, не смог.

И я пошла бродить клубными коридорами в надежде найти хоть кого-то, кто поможет мне дотащить роскошное пьяное тело хореографа до такси. Нашелся только охранник, который и

сообщил мне, что Витя поссорился с женой, и что она его выгнала, поэтому идти ему некуда, но, переживать за него не стоит, потому что в зале тепло, а в костюмерной есть маленький диванчик, где Витя обычно и ночует, когда его выгоняет жена.

— И часто она его выгоняет? — поинтересовалась я, понимая, что у меня появилась надежда на их скорое примирение.

— Та частенько, — ответил сторож, пряча улыбку в свои замечательные разлапистые усы.

«Ну, если частенько, то есть шанс, что помирятся. Женщина, серьезно настроенная на разрыв, выгоняет мужчину лишь однажды и навсегда. А это — так... спектакль, игра в расставание», — подумала я и пошла обратно в зал за вещами.

Витя спал, свернувшись калачиком прямо на голом полу. Я стянула, висящую на хореографическом станке олимпийку и свернув, положила горемычному капитану под голову, взяла сумку, чехол с платьем, выключила свет и вышла в коридор.

На улице шел тихий снег. Я сделала пару шагов в сторону остановки и поскользнувшись, уселась в сугроб. Я не сильно ушиблась, но слезы вдруг хлынули из глаз, двумя горячими безутешными потоками. Темная улица была совершенно пустой и столь же равнодушной к моим

слезам и страхам, которые наступали на меня со всех сторон, зажимая в плотное, непроницаемое кольцо. Конечно же, меня пугала не темнота и не холод. Я боялась, что не смогу выполнить обещанное. И в тот момент для меня не было страшнее страха на Земле. До выступления оставалось всего три дня.

Домой я попала лишь к десяти. Никита красноречиво хлопал пустым холодильником, и мне хотелось забраться в этот совершенно пустой холодильник и повеситься там вместо мыши из известной поговорки.

Зазвонил телефон. Я знала, что это Петр, но не имела сил объясняться еще и с ним. Мы не виделись уже больше недели, и, взяв трубку, мне снова пришлось бы оправдываться и извиняться. Оправдываться и извиняться не хотелось.

— Ма! Возьми трубку! Он уже раз сто звонил!

Пришлось ответить.

— Жень, я могу тебе чем-то помочь? — спросил Петр вместо приветствия.

— Ага... станцевать танго, — с горечью пошутила я, чувствуя, как теплая волна любви и благодарности вливается в мое тело.

— Ради тебя все, что угодно. Могу даже танго. Только это вряд ли кого-нибудь позабавит.

— Спасибо, Петь...

— Можно я приеду?

— Сейчас?

— Да... Я понимаю, что тебе не до меня и, что ты смертельно устала, но мне нужно тебя увидеть... хоть на минутку.

«Неужели и правда понимает?» — встрепенулась я и выдохнула в трубку:

— Приезжай...

Конечно же «на минутку» не получилось, поцеловались на кухне до трех ночи. Откуда только силы взялись? Впрочем, на любовь силы не нужны. Если отношения тебя выматывают, истощают, то к любви это не имеет никакого отношения. С Петром все было иначе. Его воздействие на меня было каким-то удивительно умиротворяющим, почти лечебным. И в то же время его любовь тонизировала меня, оживляла, восстанавливала. Я зарядилась от него, как от батарейки, готовая снова ринуться в бой, на баррикады, на сцену.

Утром, едва раскрыв глаза, принялась лихорадочно соображать, что может спасти меня в сложившейся ситуации — отсутствия присутствия главных персонажей спектакля. И чем дольше я соображала, тем больше понимала, что спасти меня может только чудо. Но, я была взрослой девочкой и давно не верила в чудеса. А зря... К вечеру объявился Виктор, страшно извинялся и просил меня не волноваться. Он сообщил, что с женой

помирился, и что сегодня они будут ждать меня на том же месте в тот же час. Я мысленно поблагодарила своего Ангела-хранителя и помчалась в магазин, чтобы затарить холодильник и приготовить Никитке завтрак, обед и ужин, пока он еще спит.

До репетиции с Виктором я успела встретиться с Аркадием, своим соведущим. Сказать, что я была разочарована — это ничего не сказать. Мало того, что будущий партнер по сцене оказался ниже меня на целую голову, неказист, округл со всех сторон и плешив, к тому же, он был еще крайне самодоволен, скучен и едок в своих оценках. Вместо того, чтобы сходу включиться в сценарий, синициировать пару-тройку спасительных идей, Аркаша, безгливо поморщившись, раскритиковал мой замысел, окрестив его громоздким, труднореализуемым и заведомо провальным.

— Деточка, народу не нужны закрученные сценарные концепции и мудреный визуальный рисунок. Пипл такое не хаваает, пипл такое срыгивает. Будь проще и народ потянется к тебе, вернее подтянется к твоей елке.

Я не стала спорить. Только спросила, чтобы раз и навсегда решить вопрос с «деточкой».

— Аркадий, а сколько вам лет?

— А что такое? — на всякий оцетинился мой

собеседник, смешно по-крысячьи принохиваясь в ожидании ответа.

— И все-таки? — я смотрела на него в упор, понимая, что от того, кто первым ответит взгляд зависит ранжировка наших краткосрочных отношений. В том, что они будут краткосрочными, я уже ни грамма не сомневалась.

— Тридцать семь, — ответил Аркаша, опустил взгляд и обильно вспотел.

«Йес!» — воскликнула я победно в своих мыслях, успокаиваясь тем, что получаю в лице Аркадия, если не достойного партнера, то хотя бы исполнительного помощника. Тогда я еще не знала насколько сильно ошибаюсь.

— А мне — сорок два. Так что — давайте обойдемся без «деточек».

Он едва заметно кивнул, снова покрывшись мелкой испариной.

— У вас есть какие-нибудь интересные конкурсы? — спросила я, надеясь использовать этого потеющего карлика в банальной роли массовика-затейника. — Мне говорили, что у вас большой опыт ведения свадеб.

— И не только свадеб. Я уже три года в этой теме и могу работать любую аудиторию. Кстати, сколько будет гостей на банкете? — спросил он, снова пытаюсь нахлобучить на себя важное лицо.

— В ресторане сто двадцать посадочных мест.

— Ну-у, видывал я залы и побольше.

Мне захотелось стукнуть его чем-нибудь тяжелым. Очень сильно захотелось, до зуда в ладонках. Но, делать этого я не стала, боясь, что от удара Аркаша станет еще меньше ростом — и тогда мы будем смотреться на сцене совсем нелепо.

— Только — это не банкет. Столики резервировались самыми разными людьми. Одна — две большие компании, не больше.

— А вот это плохо. Разрозненная публика неохотно участвует в конкурсах, комплексует, — снова включил знатока Аркаша. — Вот, помню был у меня один эпизод...

По всей видимости ему захотелось поделиться со мной чем-то биографически-значимым, поучительным, но, у меня не было ни времени, ни желания поучаться, поэтому, уточнив пару рабочих моментов, я умчалась к Виктору в клуб.

То, что я там увидела, привело меня в легкое замешательство. А увидела я там — будущую Жозефину. То есть, скорее наоборот, Жозефины как раз-то я и не увидела. Мне навстречу шагнула никакущая девочка-подросток, бесцветная, безликая серая мышка. Мальчуковая стрижка на льняных жиденьких волосах делала ее внешность совершенно жалкой, какой-то даже приютской. Глядя на нее, хотелось не влюбиться в мою героиню, а обнять и плакать. Но, плакать я себе

позволить не могла. До моего дебюта оставалось всего два дня, и я обязана была спасти его от провала.

Тем временем девочка-подросток, всплеснув руками, кинулась восторгаться:

— Вы знаете, ваш сценарий меня просто заморозил! Такая удивительно красивая история любви и такая трогательная. Витя сказал, что нам нужно станцевать «разлуку». Вот, посмотрите, пожалуйста, мы тут кое-что придумали пока вас ждали. Сыровато, конечно... Но, сейчас важно, чтобы вы одобрили в целом...

Галя метнулась к магнитофону и, надавив невесомым пальчиком на кнопочку «он», включила его.

Мелодия разлилась по залу глубинной, щемящей тоской. Эта была она — музыка разлуки. Капитан подал девушке руку и, притянув к себе, завернул в свои объятия. Они замерли на несколько секунд, став одним целым, неделимым существом, а потом, раскрыв руки, как крылья, он выпустил ее на волю, словно вынул из себя, из своего сердца. Она выпорхнула, рванулась в сторону, завибрировала всем телом, оголившись в движениях и жестах. С первыми звуками музыки девушка преобразилась до неузнаваемости, перевоплотилась в мою героиню, переродилась в нее. Она не танцевала, она разговаривала со

зрителем телом, рассказывала ему о своей любви, и делала это так искренне и так пронзительно, что нахлынувшие на меня чувства комом встали в горле. Виктор легко поднимал ее на своих сильных руках, дотрагиваясь до ее рук, плеч, лица с такой нежностью и с таким волнением, что всем сразу становилось понятно — это любовь и это навсегда.

Как только музыка смолкла я кинулась целовать своих спасителей:

— Молодцы! Ребята, какие же вы молодцы! Это просто потрясающе!

— Это сценарий ваш потрясающий, такой изумительный текст, ну... эти короткие вставочки между номерами! Всего пару строк, а перед глазами целые картины проплывают, разворачиваются и вонзаются в самое сердце.

«Боже мой, какая дивная девочка — эта Галя!» — подумала я, растекаясь от ее слов. — «Вот, уж поистине — заговори, чтоб я тебя увидел. А в ее случае — еще и затанцуй!»

— Послушайте, а у вас еще что-нибудь есть? Какой-нибудь готовый номер? Грех — вас, таких замечательных, выпустить на сцену только с одним танцем!

— Вить, а может этот... испанский? Там и костюмы хорошие, — повернулась к мужу Галя, загоревшись взглядом. Раскрасневшаяся после танца, возбужденная, с горящим взглядом — она